

Р ѣ т ъ

Ганнибала къ своему войску.

(Изъ Тиша Ливіа.)

Ганнибалъ, проходя чрезъ Алпійскія горы, взялъ въ плѣнъ многихъ варваровъ, кои хошѣли было воевать съ нимъ, и содержалъ ихъ въ оковахъ; желая побудить свое войско къ сраженію, онъ нарочно приказываетъ вывести многихъ плѣнныхъ, велитъ снять съ нихъ оковы и вооружить по Гальски; потомъ онъ опускаетъ ихъ и обращается къ своему войску съ слѣдующею рѣчью :

Воины! если вы съ такимъ же духомъ помыслите о своей судьбѣ, съ какимъ за нѣсколько предъ симъ времени взирали вы на чужую участь, то мы побѣдили. Это было не одно только пустое зрѣлище, но нѣкое изображеніе вашего собственнаго состоянія. И я не знаю, кого болѣе обременила судьба оковами и бѣдствіями, васъ или вашихъ плѣнниковъ. Съ двухъ сторонъ два моря заграждаютъ вамъ путь : ибо вы не имѣете ни одного корабля къ побѣгу; вблизи васъ Падъ (*), которой гораздо больше и быстрѣе самаго

(*) Рѣка По.

Родана (*), стылу возвышаются Альпы, чрезъ кои едва были вы въ состоянїи перейти благополучно. Воины! вамъ, какъ скоро встрѣтите вы неприятеля, оспаетъ побѣдить, или умереть; и тогда же жребій, который заставилъ васъ сражаться, общаетъ вамъ такія награды, какихъ большая часть людей не смѣетъ желать отъ самихъ безсмертныхъ боговъ. Если мы своею храбростію возвратимъ опять только Сицилію и Сардинію, отнятыя у нашихъ предковъ, то уже и тогда будемъ довольно вознаграждены. Все, чѣмъ только Римляне ни обладаютъ послѣ великихъ пріумфовъ, все это и съ самими владѣтелями будетъ ваше. Вотъ награда, васъ ожидающая; возьмите оружіе съ помощію боговъ! Довольно пасли вы стада на обширныхъ горахъ Лузитанїи и Целтиберїи; вы не видѣли никакой пользы отъ великихъ трудовъ и опасностей, — пора уже заслужить вамъ богатую награду за великіе ваши подвиги; вы прошли столько горъ и рѣкъ, испытывали свои силы съ великими вооруженными народами; — здѣсь судьба положила предѣлъ трудамъ вашимъ;

(*) Рона.

она дастъ вамъ заслуженную награду. Побѣда не должна вамъ казаться столь трудною, сколь громко имя народа, съ коимъ намъ надобно сразиться. Часто и презрѣнный непріятель сильно сопротивлялся, а славные народы и цари были побѣждаемы въ одно мгновеніе. Если мы забудемъ только блескъ имени Римлянъ, тогда въ чемъ они могутъ сравняться съ вами? Я уже не говорю о двадцатилѣтнихъ подвигахъ, вами совершенныхъ съ такою храбростію, съ такимъ успѣхомъ: отъ столповъ Геркулесовыхъ, отъ самаго океана и послѣднихъ предѣловъ земли, побѣдивъ столько свирѣпыхъ Гишпанскихъ и Гальскихъ народовъ, вы достигли наконецъ сюда. Вы будете сражаться съ войскомъ не опытнымъ, которое въ семь же году было разбито, побѣждено и заперто Галлами, — съ войскомъ не извѣстнымъ своему полководцу и взаимно его не знающимъ. Родясь отъ отца, славнаго уже полководца, будучи надлежащимъ образомъ воспитанъ, усмиривъ Галловъ, побѣдивъ не только Алпійскихъ народовъ, но, что несравненно важнѣе, побѣдивъ самые Альпы, — послѣ всѣхъ сихъ подвиговъ захочу ли я срав-

нить себя съ симъ минушнымъ вождемъ, бѣглецомъ изъ своего войска, которой, я увѣренъ, — если бы ему сего дня были показаны оба войска: Карфагенское и Римское безъ ихъ знаменъ, — не зналъ бы, котораго онъ предводитель. Воины! я не маловажнымъ щитаю и то, что нѣтъ изъ васъ ни одного, которой бы не былъ свидѣтелемъ какого нибудь изъ моихъ воинскихъ подвиговъ, и которому бы я, будучи и самъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не могъ рассказать о его опличіяхъ и означить самое время и мѣсто, въ коемъ оныя были оказаны. Увѣренный въ васъ, я бывший вашимъ воспитанникомъ прежде, нежели здѣлался полководцемъ, вступаю въ бой противу сихъ незнаемыхъ и не знающихъ. Куда ни обращаю свой взоръ, вездѣ вижу мужество и силу: я вижу стаярю пѣхоту и всадниковъ доблестнѣйшихъ народовъ; вижу васъ, вѣрные и храбрые товарищи, васъ Карфагеняне, готовыхъ сразиться какъ за отечество, такъ и изъ самаго справедливаго гнѣва. Мы ведемъ войну наступательную и при неблагоприятныхъ знаменіяхъ вступаемъ въ Италію; но тѣмъ смѣлѣе и храбрѣе сразимся,

чѣмъ большую имѣеть надежду и мужество нападающій, нежели обороняющійся. Сверхъ того ваше мужество возбуждается болѣзненнымъ чувствомъ, обидою, негодованіемъ. Если вы здадишесь, то меня, какъ полководца, перваго предадутъ казни; потомъ васъ всѣхъ, завоевавшихъ Сагунтъ, будутъ терзать послѣдними муками. Жестокій и гордый народъ желаетъ, что бы все ему принадлежало и покорствовало его власти, и почитаетъ себя въ правѣ назначить намъ, съ кѣмъ должны мы вести войну и съ кѣмъ быть въ мирѣ; заключаетъ насъ въ предѣлахъ горъ и рѣкъ и предписываетъ намъ не выходить изъ оныхъ; но и назначенныхъ имъ границъ онъ не соблюдаетъ. Повелѣваетъ не переходить за Иберъ (*), чтобы не имѣть ни какого дѣла съ Сагунтянами. Сагунтъ при Иберѣ, — не дѣлай въ передъ ни шагу. Мало того, что отнимаешь мои древнія провинціи Сицилію и Сардинію, но ты отнимаешь даже Гишпанію; и если я уступаю, ты перейдешь въ Африку, — я говорю перейдешь; ибо въ семь году посланы два Консула, одинъ въ Гишпанію, другой въ Афри-

(*) Эбро.

ку. Все, что только у насъ осталось, мы должны защищать оружіемъ. Тому прилично быть робкимъ и лѣнивымъ, кто надѣется, что онъ можетъ скрыться въ своихъ поляхъ, въ своихъ владѣніяхъ, убѣгая по мирнымъ и безопаснымъ путямъ: но вы необходимо должны быть храбры; и порываемы сильнымъ опчаяніемъ между побѣдою и смертію, вы должны побѣдить, или, если счастье измѣнитъ, лучше въ сраженіи, нежели въ бѣгствѣ — умереть. Если это сильно напечатлѣно въ сердцахъ вашихъ, то я опять скажу: вы побѣдили: никогда еще безсмертные Боги не даровали человѣку мгновенія, столь способнаго къ побѣдѣ.

Николай Левицкій.

Окрестности Рейна.

(Съ Польскаго.)

Парижъ 20 Декабря 1818.

Ты возложилъ на меня приятную обязанность—увѣдомлять тебя о всемъ, что только будешь въ путешествіи наиболѣе привлекашь мое вниманіе. Позволь умолчать мнѣ о Саксоніи и Дрезденѣ, съ его единственными въ своемъ родѣ рѣдкостями искусствъ, съ его восхищительными окрестностями на правомъ берегу Эльбы, извѣстными подъ именемъ Саксонской Швейцаріи; я проѣзжалъ ихъ съ удовольствіемъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней и восхищался природою, хотя дикою, но вмѣстѣ и величественною. Позволь умолчать о нѣсколькихъ знаменѣйшихъ городахъ, даже о Касселѣ съ его въ цѣлой Европѣ славящимся водометомъ, бьющимъ въ верхъ на 190 футовъ. Итакъ пусть мое описаніе начнется *окрестностями Рейна*, которыми столько хвалялись Нѣмцы.

16 Октября я оставилъ Майнцъ. Городъ сей, кажется основанный еще Дру-

зомъ Германикомъ, испытавши разные превращенности судьбы, составляетъ теперь— какъ извѣстно — одну изъ твердынь Германскаго союза. Но въ немъ нѣтъ ни жизни, ни движенія, — все мертво. Даже торговля — хотя въ столь выгодномъ мѣстѣ, находящемся при двухъ судоходныхъ рѣкахъ — часъ отъ часу приходитъ въ болѣйшій упадокъ. Я съ любопытствомъ осматривалъ здѣшнюю Кафедральную церковь, которой древность теряется въ отдаленности времянь. Она много содержитъ старинныхъ гробницъ; между прочими гробницу *Фастарды*, супруги Карла IV, и славнаго Трубадура *Фрауенлоба*, умершаго здѣсь около 1318 года. Съ деревяннаго моста на Рейнѣ представляются величественныя виды. Въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ медленный Рейнъ поглощаетъ быстрые и мутныя волны Майна — и величественно кахнется далѣе, не измѣняя блѣднозелености своихъ водъ. Мостъ сей, во время Французскаго правительсва, положено было замѣнить каменнымъ; но послѣднiя войны не позволили произвести въ дѣйство сего предпрiятiя. Пробывши нѣсколько времени въ прекрасной

деревья Биберихъ, украшенной дворцомъ Князя Нассавскаго, который въ немъ имѣешь обыкновенное свое пребываніе, я прежде всего прибылъ въ Висбаденъ. Дорога, отъ Бибериха сюда ведущая, одна изъ наилучшихъ — какія видѣлъ я въ Германіи, обсажена четырьмя рядами каштановъ, липъ и волоскихъ орѣховъ. Поля, чрезъ которыя проѣзжаешь, покрыты по большей части плодовитыми деревьями и кажутся непрерывнымъ садомъ. Земля превосходна, и озимые посѣвы зеленѣютъ на подобіе обширныхъ луговъ.

Въ такую позднюю пору я уже не засталъ никого въ Висбаденѣ; но я тамъ засталъ :

„Тѣ долины, тѣ пригорки, тѣ воды, тѣ рощи, коихъ прелести умножаетъ даже самая осень. Ихъ приятности всегда одинаковы. Изъ тѣхъ, кои здѣсь ищутъ облегченія въ своихъ страданіяхъ, не каждый оставляетъ сіи мѣста совершенно здоровымъ; но за то ни одинъ не выходитъ скучнымъ, — столько прелестей заключаетъ въ себѣ Висбаденъ! Искусство старается украсить и безъ того прекра-

сную природу и содѣлать сѣе мѣсто жилищемъ радостей.“ (*)

Висбаденскія воды славятся съ давнихъ временъ, и еще Плиній упоминаетъ о нихъ: ихъ вкусъ солоно-вяжущъ, запахъ остръ и подобенъ запаху соляной кислоты. Теплоша самаго горячаго ключа доходитъ до 150 градусовъ по Фаренгейту. Одно изъ наилучшихъ украшеній Висбадена есть такъ называемая *зала больныхъ* — прекрасное зданіе, построенное въ 1810 году владѣющимъ Княземъ для пріятіи посѣщающихъ сїи воды. Зала, куда въ продолженіи ваннъ ежедневно собираются для увеселенія, заслуживаетъ особенно вниманіе своею огромностію и великолѣпіемъ. Кромѣ обыкновенныхъ собраний, бывающихъ два раза въ недѣлю, даются въ ней балы.

„Тогда прекращается власть грознаго Эскулапа; Киприда проясняетъ смущенное чело, услаждаетъ горести и оживляетъ еще болѣе самыя забавы. Лукавой Купидонъ ласкается около мащери всѣхъ прелестей; съ улыбкою и нѣжностію рѣзвится сѣе коварное дитя, снимаетъ свой

(*) Все, отмѣченное сими знаками, въ подлинникѣ — сспихи.

колчанъ, потихоньку натягиваетъ лукъ и въ сладкой осправѣ обмакиваетъ острую стрѣлу. Особенно бойтесъ сей прелестницы, которая страдаетъ спазмами, — бойтесъ, когда она сладкимъ голосомъ начинетъ изображать свою горестъ. Ея длинныя и черныя волосы падаютъ въ прелестной небрежности, ея лицо — никогда такъ свѣжее — теперь печально и блѣдно; но добродѣя владѣетъ ея сердцемъ и видна на ея устахъ, а чувствительность есть первое украшеніе ея души; большіе глаза ея блестятъ прежною живостію.“

Тутъ все соединено :

„Здѣсь танцуютъ наши полонезы, а тамъ кадрили; потъ прохлаждается виномъ, а другой свѣжимъ померанцомъ. Потъ прелестная Эвелина почувствовала олабость; но это пройдетъ въ минуту, какъ скоро повѣетъ на нее прохладный вѣсфирь. Между тѣмъ въ ближней залѣ, съ торжественнымъ видомъ блистательной побѣды, сидятъ рыцари въ кругу за столами. Прочь отсюда злотые! . . Пусть гремѣтъ шупъ привлекательные для взоръ луидоры.“

Висбаденъ безпрестанно болѣе и болѣе начинаетъ возвышаться. Великолѣпный дворецъ Князя, который изъ Бибери-ха намѣренъ сюда перенести свою столицу, почти уже совершенно конченъ, — что касается до наружности. Кроме многихъ частныхъ домовъ, строящихся такъ скоро, что въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ образовались двѣ новыя улицы, выстроены еще большія казармы для войскъ и начали уже трудиться надъ постройкою театра.

Но наконецъ мнѣ надобно было, хотя не безъ сожалѣнiя, оставить Висбаденъ. Я переправился на другой берегъ Рейна. Съ почтенiемъ ходилъ я по симъ мѣстамъ, великостiю ознаменованнымъ. Здѣсь находился *Индельсгеймъ*, — любимое мѣсто-пребыванiе одного изъ тѣхъ необыкновенныхъ генiевъ, которыми природа хочетъ иногда удивить людей, — здѣсь было жилище Карла великаго.

„Сю вратъ блестящихъ златомъ охраняли сей замокъ; весь свѣтъ палъ подъ власть его: одинъ Витикиндъ пребылъ не подвластнымъ и съ горстiю Саксовъ, — но свободныхъ Саксовъ, выходилъ изъ

кровавыхъ битвъ побѣдителемъ. Теперь сїи мѣста величїя и славы, коихъ данниками нѣкогда были тысячи и откуда выходили пагубные для народовъ громы—теперь сїи гордыя башни покрыты низкимъ и свѣдымъ мохомъ. Время позавидовало людямъ въ такомъ славномъ памятникѣ, обрушило стѣны и даже уничтожило самые остатки.“

Не далеко отъ стараго Индельсгейма, на правомъ берегу Рейна, возвышается славный Иоганнисбергъ. Вина его суть самыя дорогія изъ всѣхъ винъ Рейнскихъ. Онъ теперь принадлежитъ Князю Мешперниху. Вся гора отъ верьху до низу образуетъ одинъ виноградникъ, что однакожь не болѣе занимаетъ пространства, какъ 55 моргеновъ. Зборъ сего года оцѣненъ въ 40,000 Рейнскихъ флориновъ, хотя во время моего тамъ пребыванїя виноградная жатва еще не начиналась. Виноградъ Иоганнисбергскій такъ дорогъ, что за чепыре грозда надобно заплатить луидоръ; даже щитають за милость, еслили кому позволятъ отвѣдать его такимъ учтивымъ образомъ. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ Иоганнисберга находится мѣс

печко Рудесгеймъ. Вина, носящія его названіе, занимаютъ первое мѣсто между Рейнскими винами по Іоганнисбергскому. Говорятъ, что Карлъ великій, — увидя во время пребыванія своего въ Индельсгеймъ, что снѣгъ, которымъ виноградъ наиболѣе предохраняется отъ морозовъ, раньше покрывалъ горы Рудесгейма, нежели другія, — приказалъ перенести изъ Бургундіи и Орлеана нѣсколько виноградныхъ отводковъ и посадить ихъ на томъ мѣстѣ. Потому и теперь еще одинъ родъ винограда называется здѣсь Орлеанскимъ.

На противоположной сторонѣ Рудесгейма лежитъ мѣстечко Бингенъ. Первая его достопримѣчательность есть замокъ, находящійся на высокой горѣ и построенный Друзомъ; онъ долженъ быть одинъ изъ тѣхъ пятидесяти крѣпостей, коими сей Вождь оградилъ Галлію предъ нашею ствѣемъ Германцевъ. Съ вершины замка, отъ котораго теперь остались почти однѣ развалины, зрѣніе наслаждается по справедливости живописнымъ видомъ. Посмотришь на сіи очаровательныя окрестности; кажется, онѣ существуютъ только въ странѣ воображенія.

„Тутъ природа собрала всѣ свои чудеса. Гордый Рейнь проходитъ посреди областей Бахуса и удивляетъ своею обширностію и своимъ величіемъ; въ необозримомъ его теченіи видны прелестныя острова и мелькають лодки, на подобіе летящей стрѣлы; въ его спокойной и прозрачной водѣ смотришь съдая скала, отражающая грозныя бури, и перловая ягода, висящая у ея подошвы. Чарующіе виды! возхищительныя мѣста, которыя такъ любило и такъ любить вино! Но я не боюсь вашихъ очарованій; и на сѣи бѣющіе нектаромъ ключи, на сѣи богатыя и прекрасныя поля не промѣняю моихъ снѣговъ и моихъ льдовъ: здѣсь я ступаю по чужой, а тамъ по своей землѣ; тамъ для меня всѣ братья, а здѣсь всѣ чужіе. О моя родина, любезная страна! когда я перестану о тебѣ вздыхать?“

Углубясь въ сладкія мечты о прошедшемъ и въ великой усталости отъ солнечнаго зноя, который въ сей день походилъ на лѣтній, я оставилъ сей замокъ — бывший свидѣтелемъ многихъ перемѣнъ — и по узкой тропинкѣ, ведущей между скалами, пошелъ осматривать каменный мостъ,

оспавшійся отъ времянь Римскихъ, Онъ пострсенъ на рѣкѣ Нагѣ, при ея впаденіи въ Рейнъ. Оттуда на небольшомъ остро-
вѣ Рейна, названномъ *Мышиль островъ*, видны слѣды древныхъ стѣнъ:

„Гдѣ, естли вѣрить стариннымъ баснямъ, тысячи кровожадныхъ рыцарей— чего не здѣлаешь мщеніе, соединенное съ мужествомъ? — овладѣли замкомъ и — съѣли Гамшона.“

Сіе случилось, какъ говорятъ, слѣдующимъ образомъ: при Гамшонтѣ, Архіепископѣ Майнцскомъ, котораго правленіе относясь къ половинѣ десятаго столѣтія, дороговизна хлѣба до того возвысилась, что народъ, принужденный голодомъ, ворвался силою въ богатые кладовыя слишкомъ рацешливаго Архіепископа и все вдругъ разхищилъ. Разгнѣванный Гамшонъ, захвативъ нѣсколько изъ зачинщиковъ сего опустошенія, приказалъ ихъ сжечь живыми; и когда достигали къ нему крики умирающихъ, онъ повторялъ сіи двусмысленныя слова: „послушайте! какъ питаешь хлѣбныя мыши.“ Въ короткое время изъ пещи сихъ несчастныхъ жертвъ вышло безчисленное множество

мышей, которыя ему нигдѣ не давали покоя. Гашпонъ надѣясь, что въ замкѣ, на острову имъ построенномъ, найдетъ безопасное убѣжище, перенесъ туда свое жилище. Но и здѣсь постигла его справедливая казнь. По храброму отпорѣ наконецъ онъ покорился и — подпалъ такому же жребію, какимъ былъ постигнутъ на поляхъ Крушвицкихъ герой нашей Мышеиды. Вотъ преданіе, доказывающее только то: что начало дѣяній каждаго народа всегда имѣетъ нѣчто баснословное, и что подъ сею завѣсою скрываются нѣкоторыя весьма важныя истинны. Недалеко отъ острова, прославленнаго вышеупомянутою бранью, должно переѣзжать чрезъ два довольно опасныхъ водоворота; ихъ шумъ подобенъ стуку нѣсколькихъ десятковъ вмѣстѣ поставленныхъ мельницъ. А не далеко отъ сихъ водоворотовъ видѣнь по срединѣ рѣки на высокой скалѣ небольшой замокъ, удивительнымъ образомъ въ видѣ продолговатаго шестиугольника построенный. Двѣнадцать низкихъ и нескладныхъ башенъ составляютъ все его украшеніе. Его можно сравнить съ кораблемъ, входящимъ на распущенныхъ пару-

сахъ въ пристань. Въ семь замкѣ Княгини Палатины должны были родить, дабы отклонить сомнѣнїе: былъ ли новорожденный наслѣдникъ дѣйствительно сынъ Княгини, а неподдѣнное дитя—какъ то не разъ случалось. Смѣшныи обичай, хорошо изображающій всю странность среднихъ вѣковъ! Опшуда до самаго мѣстечка Обервессель, котораго красныя вина столь славны, что ему дано лестное названїе *Доктора*,—я шель пѣшкомъ среди однихъ виноградниковъ. Тысячи занятыхъ собиранїемъ винограда толпились по горамъ. Сїе время для жителей при-Рейнскихъ бываетъ временемъ отдохновенїя и веселости.

„Едва блеснетъ румяное утро,—выходитъ толпа прелестныхъ собирашельницъ; веселой рой юношей спѣшитъ въ слѣдъ за нею, — и начинается самая работа: тошъ носить корзины, наполненныя виноградомъ; а здѣсь веселая поселанка давить крупныя ягоды, и съ милою улыбкою поводитъ прелестными глазами; ихъ громкимъ пѣснямъ вторитъ сосѣднее эхо; радостный опголосокъ несетъ повсюду, —

и очаровательная осень заставляешь забыть прелестную весну.“

Такъ проходитъ цѣлый день.

„Когда же солнце спускается за горы, — молодые работники оставляютъ поле; повсемѣстный трудъ прекращается и каждый спѣшитъ въ свою деревеньку. Всѣ жители собираются вмѣстѣ начать рѣзвые танцы; за молодымъ виномъ и среди прекрасныхъ внучекъ пойдетъ и дѣдушка не разъ кружиться съ ними!“

Я самъ былъ свидѣтелемъ сихъ невинныхъ забавъ, сихъ образцовъ истиннаго счастья, которое такъ рѣдко встрѣчается въ высшихъ состояніяхъ. Музыка ихъ составлена изъ двухъ скрипокъ и звучнаго бубна. Подъ навѣсистой липой собирается цѣлая деревня; особо собираются взрослые, особо дѣти. Смотря на сихъ послѣднихъ, я перенесся мыслію къ прошедшему: припомнилъ лѣта юности, которыя проводилъ съ тобою, любезный мой Брунонь.

„Все увеселяло меня въ семь дѣтскомъ возрастѣ! Тогда я бѣжалъ за мячикомъ, теперь стремлюсь за чѣмъ-то другимъ; тогда не смущалъ меня пагубный

громъ войны, тогда не поражаль слуха моего звукъ браннаго оружія; и я, вооружась легкой сѣшью, съ большимъ жаромъ, нежели герой, летящій за славою — гнался наравнѣ съ вѣтромъ за вертлявыми бабочками! Вы улѣзли, лѣта невинной свободы! скоро пройдетъ и прекрасный вѣкъ моей юности! Пройдетъ — и надежды, которыя меня такъ прельщаютъ, угаснутъ и — останутся только надеждами.“

Съ сожалѣніемъ оставилъ я сихъ добрыхъ жителей. Гостепріимство есть главная ихъ добродѣтель. Обыкновенная одежда здѣшняго деревенскаго жителя есѣ: короткое изподнее плащѣ, чулки голубаго цвѣта, башмаки съ большими оловянными пряжками, плащъ изъ голубаго полотна — покроемъ и шитьемъ совершенно похожій на рубашку — и большая треугольная шапка. Народъ въ сихъ окрестностяхъ дороденъ. Женщины носятъ на головахъ величайшія тяжести, даже посуду съ водою; каждая изъ нихъ имѣетъ на шеѣ серебряный или позолоченный крестикъ. Деревеньки разположены правильно; дома, построенные по большой

части изъ камня, покрыты шифромъ. Такая кровля весьма прочна и стоить меньше другихъ; ибо въ сихъ странахъ цѣлые слои горъ изъ шифра. Рогатый скотъ прекрасенъ, и своею плучностію приближается даже къ Голландскому. Лошадей не много. Землепашество отправляютъ на волахъ; даже мнѣ часто случалось видѣть коровъ, запряженныхъ въ плугъ, подобно какъ я видѣлъ сіе въ Вестфаліи. Повозки употребляются здѣсь на двухъ колесахъ. Вся сія страна исповѣданія Католическаго. Правый берегъ Рейна между Майнцомъ и Кобленцомъ принадлежитъ къ Княжеству Нассавскому; и здѣсь существуетъ еще обычай — конечно древній остатокъ Феодализма — собирать десятину съ вина, въ пользу владѣтельнаго Князя. Обычай сей былъ прежде въ употребленіи во всѣхъ окрестностяхъ Рейна.

Ложе Рейна при Обервесселѣ весьма узко и наполнено огромными скалами. Въ одной изъ нихъ находится славное эхо, повторяющее голосъ нѣсколько разъ. Но комнѣ оно было не такъ благосклонно, и только три раза удостоило отвѣчать на вопросъ, — что проводникъ мой приписы-

валъ небольшому вѣтру, который, какъ нарочно, повѣялъ въ противную сторону., Изъ старинныхъ замковъ, отъ которыхъ теперь по большой части остались однѣ только развалины, самый обширный есть замокъ Рейнфельсъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ его сильные владѣтели присвоили себѣ право собирать пошлину съ судовъ, проходящихъ по Рейну. Слабѣйшіе должны были сему повиноваться; наскучивъ наконецъ такимъ насиліемъ, около сорока небольшихъ при-Рейнскихъ мѣстечекъ соединили свои силы и подступили съ ними подъ замокъ. Однако тщетно; по шести-мѣсячной осадѣ должны были отступить ни съ чѣмъ. Я нащипалъ почти двадцать замковъ, украшающихъ берега Рейна. Наиболѣе видѣть ихъ можно въ долинѣ, между Бингеномъ и Боппардомъ, который есть такъ же одна изъ крѣпостей Друзовыхъ и лежитъ въ трехъ миляхъ отъ Кобленца. О каждомъ изъ сихъ замковъ носится здѣсь какое нибудь преданіе, и каждый сохраняетъ свое древнее имя. Между прочими два замка, стоящіе на противоположенныхъ скалахъ, носятъ названіе *кота* и *мыши*; и конечно потому, что

владѣльцы ихъ, можетъ быть, вели между собою безпрестанныя войны. Надъ Рейномъ находится такъ же много опустошенныхъ церквей и монастырей. Въ старинномъ Капуцинскомъ монастырѣ, котораго огромность и великолѣпіе удивляетъ каждого, помѣщается суконная фабрика. Кромѣ сего многіе оставлены для ихъ прежняго употребленія.

Въ прекрасный и тихій вечеръ, проходя мимо сихъ древнихъ обиталищъ, я весь предался сладостному забвенію, изъ котораго едва пробудилъ меня унылый звонъ колокола, раздавшійся въ ближнемъ монастырѣ. Сей видъ толпикихъ развалинъ, бывшихъ нѣкогда жилищемъ гордыхъ владыкъ; сей отголосокъ звона, который и въ то время такъ же привѣствовалъ заходящій день — переносили мысль мою въ тѣ древніе вѣки и напоминали мнѣ минующее величіе и дѣлъ человеческихъ, и самыхъ людей.

„Такъ думалъ я; — и въ это мгновеніе мѣсяцъ прорѣзалъ облака. Онъ освѣтилъ сіи пышныя развалины и сіи безмолвныя стѣны такъ, какъ и прежде ихъ освѣщаль: сколько сіе пробуждаетъ возпоми-

наній! сколько раждаетъ мыслей! Подъ тяжелою рукою времени упали сїи смѣны; и тѣ люди, которые гордились независимымъ своимъ бытіемъ и проникали въ тайны природы, исчезли; самая ихъ память умерла вмѣстѣ съ ними. Но, можешь быть, и сей мѣсяцъ, столь ясно блистающій, изнемогши подъ бременемъ собственныхъ своихъ лѣтъ, и онъ, можешь быть, угаснеть, — окончитъ свое величественное теченіе на небесномъ пространствѣ и, возникши изъ ничего, въ ничло обратится.“

Отъ Боппарда до Кобленца я ѣхалъ прекраснѣйшею дорогою, проведенною при послѣднемъ Французскомъ Правительствѣ. Сїя дорога простирается, отъ Майнца до самаго Кёльна, все по лѣвому берегу Рейна. Она стоить много денегъ и трудовъ: ибо часто должно было ломать и взрывать на воздухъ огромныя глыбы скаль; но за то теперь можно въ тридцать часовъ и безъ затрудненія здѣлать тотъ же самый путь, который прежде требовалъ по крайней мѣрѣ цѣлыхъ трехъ дней.

Между Боппардомъ и Кобленцомъ находился славный остатокъ древности Германской, называвшійся *Королевскимъ кресломъ*. Это былъ осмиугольный тронъ, воздвигнутый Петромъ Курфирстомъ Майнцкимъ почти надъ самымъ Рейномъ. Въ четырнадцатомъ столѣтїи собирались сюда Курфирсты избирать Императора; и здѣсь Генрихъ VII, въ 1308 году, избранъ былъ первый. Последнимъ былъ Максимилианъ I, въ 1486 году. Въ позднѣйшія времена Германскіе Императоры избираемы были во Франкфуртѣ, коронованы въ Ахенѣ, а здѣсь только присягали. Близъ Кобленца оканчиваются прекраснѣйшія окрестности Рейна; здѣсь оканчиваются наиславнѣйшіе его виноградники; здѣсь такъ же и я кончу описаніе мое, которымъ, можетъ быть, слишкомъ долго тебѣ скучаю.

Н. Левицкій.

Униженная гордость.

(Съ Итальянскаго.)

Пилло и *Менниони*, два юноши хорошей фамилии, родившіеся въ одной деревнѣ, близъ Салерна, и возросшіе вмѣстѣ, съ самыхъ малыхъ лѣтъ заключили между собою союзъ тѣснѣйшей дружбы; казалось, что одинъ не могъ существовать безъ другаго; занятія и удождствія были у нихъ общими; одна воля руководила ими. *Пилло* лишившись своихъ родищелей, на одинадцатомъ году, былъ порученъ отцомъ своимъ отцу *Меннионіеву*, который, въ качествѣ опекуна, принялъ его въ домъ свой и воспитывалъ, какъ собственнаго сына. Такимъ образомъ сіи юноши, усиливая безпрестанно свою дружбу, жили вмѣстѣ до одинадцати лѣтъ; но путь раздѣлило ихъ неожиданное счастье *Пилла*. Онъ имѣлъ дядю, который еще въ юношескихъ лѣтахъ отпраившись изъ дому, послѣ различныхъ путешествій и перевороповъ счастья, основался въ Кадиксъ, вошелъ въ службу къ одному Банкиру, и чрезъ свои способности получилъ такую отъ него довѣренность, что онъ отдалъ

на него единственную свою дочь. Она не долго пережила престарѣлаго своего отца, и оставила одного сына, которой также скоро умеръ. И такъ дядя *Пилла* остался полнымъ обладателемъ великихъ богатствъ; а когда и онъ умеръ, то все наследство досталось *Пиллу*, какъ единственному изъ родственниковъ умершаго.

Извѣстіе, дошедшее о семъ въ Салерну, было равнымъ образомъ приятно для обоихъ друзей: и *Пилло*, принужденъ будучи ѣхать въ Кадиксъ, ни о чемъ столько не сожалѣлъ, какъ что долженъ былъ оставить своего любезнаго *Меннони*. Тутъ онъ умолялъ со слезами не забывать его, писалъ къ нему почаще и такимъ образомъ доставлялъ ему удовольствіе, разговаривая между собою хоть въ отдаленности, и обѣщаль, что съ своей стороны онъ не пропуститъ ни одной почты неписавъ къ нему; что онъ на всегда сохранитъ о немъ приятнѣйшее и нѣжнѣйшее воспоминаніе; что приведши къ окончанію свои дѣла и собравши наследство, поспѣвши возвратиться въ Салерну, дабы раздѣлить съ нимъ свое счастіе. Въ теченіи нѣкотораго времени онъ въ са-

момъ дѣлѣ исполнялъ свое обѣщаніе. Письма его были исполнены самыхъ дружескихъ и обязательныхъ выраженій; ни когда онъ не былъ столь доволенъ, какъ получая письма и извѣстія отъ Меннони. Какъ скоро онъ прибылъ въ Кадиксъ, то отпраздновалъ въ пользу его не большое свое наслѣдство въ Салернѣ, и располагалъ здѣлать ему въ скоромъ времени гораздо большее одолженіе; но такая любовь и дружба не долго продолжались.

Для окончанія своихъ дѣлъ-дабы собрать капиталы, розданные дядею по разнымъ мѣстамъ, дабы вступить во владѣніе всего наслѣдства — онъ долженъ былъ пребыть въ Кадиксъ больше трехъ лѣтъ. Уже при концѣ перваго года прежній жаръ началъ въ немъ охладѣвать. Отдаленность, занятія, новые предметы мало по малу изгладили воспоминаніе о его другѣ. На другой годъ онъ писалъ къ нему очень рѣдко, и равнодушно. А на третій годъ даже не отвѣчалъ на его письма, и всякая переписка была прервана. Не смѣшныя богатства, коими онъ обладалъ, возбудили въ немъ склонность къ роскоши и великолѣпію, и бѣдной Мен-

нони казался не достойнымъ болѣе его дружбы. Дѣтская привязанность, говорилъ онъ, существуетъ, пока продолжается первый возрастъ, и пока не переменяются обстоятельства, кои произвели ее. Первой возрастъ прошелъ, обстоятельства переменялись; теперь она должна прекратиться.

Когда Меннони въ первой разъ не получилъ отвѣта, — думая, что письмо его потеряно, послалъ другое и не получивши отвѣта еще разъ, началъ съ нѣжностью жаловаться Пиллу на его молчаніе; а видя, что онъ и на это не отвѣчаетъ, началъ, дружески, но самымъ вѣжливымъ образомъ, упрекать его въ уменьшеніи дружбы и въ забвеніи.

Пилло, слишкомъ уже напыщенный гордостью, былъ этимъ раздраженъ: „онъ упрекаетъ еще и дѣлается наглымъ? скавалъ онъ; да ему очень къ стати такъ горячиться; онъ имѣетъ право жаловаться на малое къ нему мое расположеніе, потому что, какъ я поглупости уступилъ ему гораздо болѣе, нежели сколько онъ можетъ надѣяться отъ своего отца. И очасливъ еще, что такія бездѣлки не за-

служиваютъ моего вниманія; иначе я умѣлъ бы его наказать за такую дерзость.“ Съ сего времени онъ совершенно забылъ *Меннони*; но всѣ письма, которыя онъ получалъ отъ него, были нераспечатанными бросаемы въ огонь; все, что только могло ему напомнить о его другѣ и о взаимномъ расположеніи, все было потѣ часъ изгоняемо изъ его мыслей, какъ что нибудь низкое и постыдное. Кончивши дѣла, онъ собралъ всѣ свои богатства и съ пышностію прибылъ въ Неаполь. Здѣсь для его тщеславія недоставало еще пишула. Онъ нещадилъ ничего, что бы купить оной. И вотъ Господинъ *Пилло* вдругъ здѣлся Принцемъ *де Каландроне*. *Меннони* лишь только услышалъ о его прибытіи, неподозрѣвая такого страннаго превращенія въ его душѣ, и совсѣмъ иной причинѣ приписывая его молчаніе; а съ другой стороны желая нетерпѣливо изъяснить ему свою постоянную приверженность и свою признательность,—поспѣшилъ въ Неаполь, что бы обнять своего друга. Его Сіятельство не удостоилъ принять его. Нѣсколько разъ случалось, что проѣзжая по многолюднѣйшимъ ули-

цамъ въ великолѣпной каретѣ, въ которой онъ сидѣлъ съ совершенною небрежностью, онъ видѣлъ въ толпѣ пѣшеходцевъ бѣднаго *Меннони* и узнавалъ его; но всякой разъ съ негодованіемъ отвращалъ отъ него свой взоръ.

Будучи единственно занятъ собою и своимъ богатствомъ, онъ началъ расточать его безъ мѣры. Ему легко было приобретать, и еще легче разсѣвать. Его дворецъ былъ украшенъ драгоценнѣйшими мебелями, а входъ въ оной былъ открытъ для всѣхъ празднолюбцевъ, которые безпрестанно его окружали. Число его служителей едва прилично было Принцу, болѣе его знатному; и они, будучи содержимы во всемъ изобиліи, имѣли еще ту выгоду, что могли пользоваться всѣмъ, что только ни попадалось въ ихъ руки. Послѣднія и разорительныя моды потѣхъ были наблюдаемы въ платьяхъ, въ экипажахъ, въ украшеніяхъ всякаго рода; а какъ все, что ни родилось въ Италіи, казалось ему низкимъ и подлымъ; то все было выписываемо за большія деньги изъ Ліона, Парижа и Лондона. Столы были продолжительны и состояли изъ ошбор-

ныхъ блюдъ, кои приготавливалъ Французской поваръ. Балы были весьма часты, и блистательны; его помѣстья здѣлались мѣстопребываніемъ всѣхъ сластолюбцевъ, кои прѣзжали, оставались тамъ и располагали ими, какъ своею собственностію. Можно понять, какъ возрасла чрезъ сіе толпа его льстецовъ; имя новаго Князя гремѣло повсюду; онъ одинъ обладалъ всѣми рѣдкими дарованіями; онъ одинъ умѣлъ жить, какъ должно; онъ былъ образцомъ, которому должны были подражать всѣ Вельможи. Простодушный Князь шоржествовалъ сердечно и самъ восхищался; упоялся похвалами и въ надменности своей забывалъ самаго себя.

Но это не долго продолжалось: чрезвычайныя издержки, кои причинила сія безразсудная пышность; суммы, не меньше значительныя, похищаемыя у него злонамѣренными людьми, на коихъ онъ полагался; великія потери въ игрѣ, — все это въ короткое время здѣлало его нищимъ. Кромѣ сего, будучи обремененъ со всѣхъ сторонъ долгами, подвергся взысканію заимодавцевъ, кои отняли у него дома, мебели и все, что онъ только ни имѣлъ. Въ

такомъ несчастіи льстецы и другіе, имъ подобные люди, окружавшіе его прежде съ такимъ усердіемъ, въ минуту исчезли.

Въ сей бѣдности, будучи отъ всѣхъ оставленъ, онъ утѣшалъ себя надеждою, что найдетъ помощь въ толикихъ друзьяхъ, коихъ доставило ему миновавшее его несчастіе. Тщешная и глупая мечта! Одни изъ нихъ, казалось, едва его узнавали, другіе всѣми силами спарались его убѣгать; были и такіе безчеловѣчные, что ругались надъ нимъ; а болѣе вѣжливые изъявляли ему свое сожалѣніе, и въ тоже время жаловались, что немогутъ помочь.

Какой ужасный для него урокъ! Будучи приведенъ въ крайнюю бѣдность и въ отчаяніе, онъ не зналъ, что оставалось ему дѣлать.

Тогда онъ вспомнилъ о своемъ другѣ Мениони; хотя кроткій и сострадаательной нравъ, которой онъ испыталъ въ немъ, и увѣрялъ его въ скорой помощи: но какъ осмѣлился явиться предъ нимъ, оказавши ему такое презрѣніе? Хотя бѣдность его побуждала, но стыдъ удерживалъ и вмѣсто того, что бы отпра­виться въ Салерно, онъ рѣшился итти въ

Римъ, и искашь какой набудь родъ пропитанія тамъ, куда онъ надѣялся пойти, не будучи никѣмъ узнанъ, и гдѣ взоры другихъ, на него устремленные, не могли его унизить.

Оставивъ поспѣшно Неаполь, онъ пришелъ, при захожденіи солнца, къ одному не большому домику, гдѣ онъ хотѣлъ провести ночь. Молодая поселанка, кооторая тамъ сидѣла, и съ кооторою онъ началъ говорить, приняла его ласково. „Останьтесь здѣсь, сказала она, сколько вамъ угодно; мой мужъ придетъ чрезъ нѣсколько минутъ; онъ съ великимъ удовольствіемъ оказываетъ свои услуги — сколько это позволяетъ его состояніе — прѣзжимъ, коимъ случается останавливаться здѣсь; вамъ будутъ рады: войдите же и отдохните, а я между тѣмъ приведу въ порядокъ свои дѣла, кооторыя у меня еще остались.“ Бѣдной Принцъ *Пилло* вошелъ и былъ удивленъ, видя домикъ, въ коемъ, при всей простотѣ, по всюду примѣтно было довольство и изобиліе. Между тѣмъ, какъ онъ его разсматривалъ, завидывалъ счастію его обитателей, приѣхалъ хозяинъ. „О Небо! что я вижу — вскри-

чалъ онъ, увидя его издали—*Меннони!* ахъ, куда мнѣ скрыться?“ Внезапный стыдъ воспламенилъ его лице; кровь его зашпыла.

Въ самомъ дѣлѣ хозяинъ приѣхалъ съ поспѣшностію въ маленькой колясочкѣ; горесть были начертана на его лицѣ. Жена выбѣжала ему на встрѣчу; онъ со вздохомъ сказалъ ей: „всѣ мои поиски были тщетны; онъ въ отчаяніи оставилъ Неаполь и никто не могъ указать мнѣ, какую взять онъ дорогу. Кто знаетъ, какой былъ его конецъ, или какого печальнаго конца онъ еще долженъ ожидать!“ Тутъ не могъ онъ удержать своихъ слезъ; распростанная его жена плакала съ нимъ вмѣстѣ. Потомъ она увѣдомила его о прохожемъ, который, не задолго предъ симъ, пришелъ просить ночлега, и который ожидалъ его въ комнатѣ. *Меннони* сказалъ: „благодарю тебя милосердое Небо! по крайней мѣрѣ я буду имѣть удовольствіе здѣлать добро кому нибудь: сіе утѣшеніе необходимо, дабы облегчить горесть, что я не могъ здѣлать добра моему другу. Ахъ! если бы я зналъ хотя однимъ днемъ прежде о его несчастіи!“... Говоря та-

кимъ образомъ, онъ поспѣшилъ въ комнату, дабы обнять новаго незнакомца. Князь *Пилло*, прижавшись въуглу и закрывши руками лицо, которое было все въ пламени, и весь трепеща, не могъ поднять глазъ. *Меннони*, видя челоуѣка въ такомъ положеніи, сперва изумился; потомъ приближается къ нему, смотритъ на него. — „Необманиваюсь ли я? Можетъ быть я васъ принимаю за другаго?“ — Разсматриваетъ его гораздо ближе. — „Ахъ, это точно онъ: онъ. . . . О Боже! что я вижу!“ — И бросаясь ему на шею съ отверстыми объятіями, онъ покрываетъ его поцѣлуями и слезами, будучи не въ состояніи произнести ни одного слова. *Пилло*, между радостію и стыдомъ, былъ въ крайнемъ смущеніи. *Меннони*, поднимаясь и опять къ нему припадая, вскричалъ: „тебя ли я наконецъ обнимаю, ты ли это? Ахъ! Небо не хотѣло здѣлать меня несчастнымъ: хвала ему! Я только вчера узналъ о вашемъ несчастіи; сего дня поутру поѣхалъ въ Неаполь, чтобъ васъ отыскать; услышавъ, послѣ тысячи посковъ, что вы неизвестно куда отправились, я не надѣялся уже болѣе васъ оты-

скалъ. Вчера я былъ въ крайнемъ смущеніи, теперь напротивъ я счастливѣйшій изъ смертныхъ. Тутъ началъ онъ обнимать его и цѣловать снова.

Пипло, будучи болѣе, нежели когда нибудь, распроганъ, хотѣлъ что-то сказать, но не находилъ словъ; его другъ не давалъ ему времени, говоря такимъ образомъ: правда, что ты болѣе не Князь, не знатной господинъ; но ты имѣешь еще довольно мужества, что бы утѣшиться. Наслѣдство, которое ты нѣкогда ввѣрилъ моему попеченію, стоить десять тысячъ червонцевъ; почти столько же я получилъ въ наслѣдство отъ моего отца, умершаго въ Батавіи: соединивъ вмѣстѣ оба сіи капиталы, я купилъ эту землю. Она была въ худомъ положеніи, когда я вступилъ во владѣніе; но съ тщательнымъ прилѣжаніемъ, я привелъ ее въ такое состояніе, что она мнѣ приноситъ въ годъ болѣе двухъ тысячъ червонныхъ; а если продолжитъ стараніе, то впередъ она можетъ приносить еще болѣе. Теперь мы ее раздѣлимъ, какъ принадлежащую намъ обоимъ, или будемъ управлять ею вмѣстѣ, есѣли это тебѣ угодно; такимъ обра-

зомъ ты будешь имѣть довольно для всей своей жизни. — При семъ поступкѣ неожиданнаго великодушія *Пилло* не могъ болѣе удержаться: проливая обильныя слезы и обнимая своего друга, сказалъ: „ахъ, какого друга, какую несравненную душу заставила меня забыть моя слѣпая гордость! Я чувствую всю цѣну вашего добродушія. Какая разница отъ сихъ низкихъ душъ, кои разоривъ меня до крайности, такъ подло измѣнили мнѣ! Однако недумайте, что, несмотря на мое несчастіе, я захочу употребить во зло доброту вашей души; я былъ бы слишкомъ ее недостойнъ.“

„Наслѣдство, коего, какъ вы говорите, только одно управленіе я вамъ ввѣрилъ, было мною уступлено произвольно и навсегда, какъ подарокъ; теперь оно вашей я уже на него не имѣю ни какого права. Мое несчастіе, какъ оно ни велико, было для меня наказаніемъ; только одно то, что я васъ забылъ столь недостойнымъ образомъ, заслуживаетъ еще большаго наказанія, и я долженъ потерпѣть. Куда ни приведетъ меня моя судьба, мнѣ останется то удовольствіе, что я снова получилъ ваше прощеніе.“

Вы не возвратили моей дружбы, отвѣчалъ Меннони, напрошивъ вы пренебрегаете ее, когда думаете отъ меня удалиться. Будь это отдано только на сохраненіе или вовсе подарено,—по, что вы мнѣ оставили, теперь должно принадлежать вамъ, и вы меня обидите, отказавшись отъ него. Щитайте это дѣйствіемъ справедливости или дружбы, это для меня все равно: но вы должны его принять. „Я не долженъ и не могу сего сдѣлать — возразилъ Пилло со слезами — но я не буду столь не благодаренъ, что бы удалиться отъ такого друга, какъ вы. Я буду жить всегда съ вами; съ сего времени все мое стараніе употребляю, что бы помогать вамъ въ вашихъ трудахъ; я буду слишкомъ счастливъ, если моею покорностію сколько нибудь заглажу здѣланную вамъ мною обиду. О великодушный, несравненный человѣкъ!“ — И такъ вы останетесь, отвѣчалъ Меннони; одно это уже меня награждаетъ: вѣмъ, что только здѣсь ни есть, вы будете пользоваться какъ собственнымъ; я сего требую: а подъ какимъ условіемъ, о семъ поговоримъ въ другой разъ. Вашъ, мой любезной другъ—

присоединилъ онъ, обращаясь къ женѣ своей, которая при этой трогательной сценѣ не могла удержатъ своихъ слезъ— послѣ того счастливаго дня, въ которой я назвалъ тебя своею, сей день есть прекраснѣйшій и счастливѣйшій въ моей земной жизни, — и могу сказать, что я теперь достигъ цѣли своихъ желаній; съ сихъ поръ будемъ праздновать радостный сей день. —

Не смотря на все сѣе, *Пилло* не скоро могъ опять прийти въ себя. „Какая несравненная душа — повторялъ онъ безпрестанно—какая разность съ сими недостойными душами, коихъ корыстолюбивая и обманчивая дружба заставила меня забыть истиннаго друга!“

Н. Левицкій.

Густавъ, или день рожденія.

(Съ Французскаго.)

Графъ Сельницъ, кончивши самое блистательное поприще, какъ Государственный человекъ и какъ воинъ, возвратился въ свои помѣстья. Тамъ, на лонѣ спокойствія, наслаждался онъ счастливѣйшею старостію; но и самой его покой былъ достоинъ его. Всѣ минуны его были посвящены благополучію его семейства и своихъ подчиненныхъ. Графиня, женщина отличнѣйшаго ума, съ сердцемъ, исполненнымъ любовію къ добру, поставляла всю свою славу въ исполненіи шѣхъ мирныхъ домашнихъ добродѣтелей, которыя столь явно опличаютъ прекрасный полъ Нѣмецкій. Она довершила счастіе своего супруга двумя дочерьми: Юлія правильной и величественной красоты, но опшѣненной чертами какой-то тихой меланхоліи; Августа съ прекрасными черными глазами, съ тонкимъ и гибкимъ станомъ, съ живыми и улыбающимися прелестями, была совершенная Француженка.

Въ нѣдрѣ сего любезнаго семейства жилъ управитель Графскаго имѣнія, Гу-

ставъ Валлеръ, герой нашей повѣсти. — Валлеръ былъ единственнымъ сыномъ у отца, безвѣстнаго и своимъ именемъ и своимъ имуществомъ, который воспитывался въ Геттингенскомъ Университетѣ съ Графомъ Сельницомъ, съ коимъ, не смотря на различіе породы, на различіе достоинства, онъ находился въ тѣсной дружбѣ. Послѣ его смерти, Графъ, будучи тронутъ жребіемъ оставленнаго имъ дитяти, принялъ на себя обязанность его воспитывать. Благодѣянія его увѣнчаны были успѣхомъ: Густавъ въ короткое время сдѣлался важнымъ по своимъ рѣдкимъ способностямъ и заслугамъ. — Покровительство Графа доставило ему мѣсто Секретаря при Посольствѣ. Онъ поѣхалъ въ Вѣну съ Княземъ N. . . . , на коего возложено было чрезвычайно важное порученіе

Депеши Посланника къ его Двору, казались для всѣхъ чудомъ глубокаго знанія дѣлъ и необыкновенной прозорливости; Князь выставлялъ въ оныхъ только свое имя, а Валлеръ свои таланты. Князь находилъ сей образъ занятій весьма удобнымъ и приятнымъ; но другіе члены По-

сольсва незамедлили представить его Сїятельству, что весьма неприлично такъ молодому человѣку, каковъ былъ Густавъ, все знать и все дѣлать; а по сему бѣдной Валлеръ былъ оклеветанъ, какъ человѣкъ безпокойный, и Министерство повелѣло отозвать его.

Графъ Сельницъ не былъ въ состоянїи отразить сего удара; онъ спѣшилъ по крайней мѣрѣ призвать къ себѣ добродѣтельнаго Густава и уменьшить его несчастїе своими совѣтами, въ кругу истинныхъ друзей. Графъ нашелъ способъ загладить несправедливость другихъ своими милостями, предложивъ ему управленїе несмѣннымъ своимъ имѣнїемъ. Валлеръ занялся совершенно новою своею должностїю; онъ показалъ, что никогда не смѣшивалъ суешливой праздности съ истинною дѣятельностїю: все, что ни предпринималъ онъ, все ему удавалось. все было сопровождаемо желаемымъ успѣхомъ. — Благородное дружество Графа изыскивало способы загладить все, что только живо могло припоминать публикѣ о зависимости и неравенствѣ, въ которыхъ находился Густавъ, относительно къ нему.

Мѣсто его всегда было означено, какъ въ большихъ обществахъ, такъ и въ тѣсномъ кругу его семейства. Итакъ, чего еще не доставало къ совершенному счастью добраго Валлера, естли бы нѣкоторое тайное чувство не успѣшило возмутить спокойствія его жизни? Красота Юліи поразила его взоры; ея разумъ, крошесъ и ея таланты очаровали всѣ способности души его.

Едва только замѣшилъ онъ успѣхъ своей страсти, какъ тогда же силился восторжествовать надъ нею; но гдѣ было найсти столько силъ, что бы преодолѣть тѣ сердечныя движенія, которыя раздѣляла Юлія? Правда, что съ одной стороны скромный и почтительный Валлеръ трепещалъ при одной мысли, опкрыться въ своихъ чувствованіяхъ; но съ другой стороны пылкій любовникъ, принужденный ограничить страсть свою однимъ молчаніемъ, а слѣдовательно довольствоваться однимъ только наблюденіемъ, можешь ли ошибаться въ многозначущихъ взорахъ робкой стыдливости, въ протгательномъ и нѣжномъ голосѣ шой, которую онъ обожаетъ? Гусшавъ любимый

чувствовалъ тѣмъ сильнѣе весь ужасъ своего положенія. Графъ Сельницъ былъ человеколюбивъ, благороденъ и чувствителенъ; но домъ его находился въ связи съ знатнѣйшими домами Германіи. Неужели согласится онъ выдать дочь свою за человѣка, который, унизивъ высокій родъ ея до своего бѣднаго состоянія, помрачилъ бы чрезъ сіе цѣлую фамилію пятномъ безславія, которымъ ей угрожали застарѣлые предразсудки самого гордаго дворянства въ Европѣ?

Не проходило той ночи, которой бы Валлеръ не посвящалъ самымъ горестнымъ размышленіямъ; но при появленіи дня всѣ его, свободныя отъ дѣлъ, минуты, исключительно посвящены были Юліѣ. Онъ любилъ охоту; а Графъ, которой пристрастенъ былъ къ ней и того болѣе, рѣдко предавался сему приятному развлеченію, не пригласивъ къ оному себѣ въ товарищи юнаго своего друга. Но Густавъ замѣтилъ, что нѣжная Юлія съ прискорбіемъ взирала на сіи частыя отлучки; и онъ, съ опасностію даже подпасть неудовольствію Графа, находилъ, при всякомъ отъѣздѣ на охоту, тысячи различ-

ныхъ предлоговъ остаться въ замкѣ. Юлія страстно любила музыку; и Густавъ съ жаромъ началъ снова учиться на виолончелѣ, дабы быть въ состоянїи ей аккомпанировать. Юлія рисовала съ ошмѣннымъ вкусомъ; Густавъ, отличавшійся также въ семь искусствъ особеннымъ талантомъ, не хотѣлъ иначе заниматься, какъ только подъ ея руководствомъ и по ея моделямъ. Юлія съ своей стороны не брала на себя головного убора и не надѣвала новаго платья, не посоветовавшись съ Густавомъ; она не разигрывала въ другой разъ той пїесы на фортепїанѣ, которая казалась только хотя нѣсколько не по вкусу Густава; выборъ ея чтеній, ея сужденій и ея мнѣній—все было покорено приговору Густава; но ни въ какихъ обстоятельствахъ, слово: *любовь*, не выривалось изъ устъ ихъ; всякой изъ нихъ почиталъ себя господиномъ своей тайны. Живая и проницательная Августа угадывала оную съ давняго уже времени; и она воспользовалась первымъ случаемъ, дабы показать, что завѣса, подъ которою крылись два любовника, была для нее очень прозрачна, и что она была бы такою и

для нихъ, естѣли бы они, съ намѣреніемъ, не взирали на нее съ закрытыми глазами.

Внезапный дождь помѣшалъ ихъ обыкновенной прогулкѣ. Юлія предложила Густаву сыграть партію въ шахматы; Августа сѣла возлѣ нихъ съ своимъ шамбуромъ. Валлеръ слишкомъ неосторожно выставилъ свой ферзь,—и Юлія пресѣкла ему со всѣхъ сторонъ дорогу. „Ахъ, небо! вскричалъ онъ, я потерялъ мой ферзь!“ Августа смотритъ на проигрышъ и начинаешь хохотать. „Чегожь тутъ смѣяться?“ спросила у нее Юлія.—Господинъ Валлеръ, сказала съ важностію Августа, не угодно ли вамъ посмотрѣть на нѣсколько минутъ вашу игру?—Густавъ смотритъ; король ея былъ шахъ и матъ; онъ покраснѣлъ; Юлія смѣшалась. „Да какъ же это случилось, сказала она запинаясь, что я не замѣтила?“ — Ахъ, милая сестрица, возразила Августа, что бы замѣтить, для этого надобно было смотрѣть.—

Графъ Сельницъ былъ весьма далекъ отъ того, что бы представлять малѣйшую тѣнь недовѣрчивости, не обращалъ никакого вниманія но все, что происходило; онъ довольствовался од-

нимъ дружескимъ упрекомъ Густаву за-
то, что, въ его лѣтахъ, онъ охотнѣе раз-
игрывалъ сонату, или чертилъ какой ни-
будь видъ, нежели соглашался гоняться
за серною или за волкомъ. Что же касает-
ся до Графини, то она имѣла болѣе
проницательности. Сія, постепенно уси-
ливавшаяся страсть, не ускользнула отъ
ея взоровъ; она замѣчала ея первую искру,
ея успѣхи, — и ея матирическое сердце тѣмъ
болѣе находило причину спрашиться,
что она въ собственной фамиліи видѣ-
ла ужасной примѣръ слѣдствій, несчаст-
нѣйшей любви. Она почитала, любила
Валлера. Долго она колебалась въ незвѣст-
ности: должно ли лучше показать ему
опасность его положенія, или просто
искать предлога къ разлученію двухъ
любовниковъ.

Первое средство показалось ей опас-
нымъ. Она размысливъ, увидѣла, что это
значило бы разбудить луналика, ходяща-
го на краю глубокой стремнины, кото-
рой онъ нимало не страшится; ибо сонъ дѣ-
лаешь его безпечнымъ; но едва раскроетъ
глаза свои, какъ и стремится въ ужасную
бездну. Второй способъ былъ не менѣе

трудень для употребленія его въ дѣйство. Ибо какъ предложить Графу, удалить отъ себя Валлера тогда, когда онъ при одномъ его имени просилъ жену, благодарить небо, пославшее имъ сего любезнѣйшаго молодого человѣка. Наконецъ самой случай облегчилъ нерѣшимость и безпокойства сей нѣжной мащери.

Въ одинъ день Графъ объявилъ Валлеру, что онъ намѣренъ предпринять въ слѣдующее утро большую охоту, что все къ сему уже изготовлено, и что бы на сей разъ никакія отговорки и извиненія не могли уволить его отъ оной быть съ нимъ. Густавъ обѣщала участвовать въ сей забавѣ; какъ вдругъ Юлія, съ большимъ обыкновеннаго жаромъ, начала вооружаться противъ охоты и охотниковъ. Августа видитъ неосторожность своей сестры, старается ее загладить и обратилъ въ шутку. „Трусость, говоритъ она, намъ иногда позволена; но право, любезная Юлія, ты возло употребляешь сіе позволеніе. Ты для того только вооружаешься такъ краснорѣчиво противъ охоты, что сама боишься ружья.“ — Кто? я? меня упрекать въ сей смѣшной слабости?—

„Ну, хорошо! вотъ тебѣ ружье батюшкино; я быкъсь объ закладъ, что ты не осмѣлишься къ нему даже дотронуться.“ — Посмотримъ — и въ ту же минуту Юлія беретъ ружье; приближается къ окну и замуривъ глаза, выстрѣлила. „Ахъ! Боже!“ Вскричала какой то жалобной голосъ.... Вдругъ бѣгутъ въ садъ и находящъ маленькую дочь садовника, плавающую въ своей крови. Юлія упала безъ чувствъ; ее отнесли на постель.

Коль скоро она пришла въ себя, то спѣшили ее увѣрить, что рана не была опасна; но ударъ сей былъ слишкомъ жестокъ для нее, — и нѣсколько приключившихся ей сильныхъ лихорадочныхъ припадковъ, заставляли уже отчаяваться въ ея жизни. — Въ девятый день послѣ сего, она впала въ нѣкоторой родъ безчувственного сна. Лѣкаря объявили, что сей переломъ болѣзни рѣшитъ судьбу жизни больной. Валлеръ не отлучался ни на минуту изъ передней Юліиной комнаты. Онъ видитъ выходящую Графиню опшуда, пользуется счастливою минутою и приближается къ постелѣ, гдѣ обожаемый предмѣтъ его любви боролся

съ смертію. Стоя неподвижно онъ, устремлялъ только безокойный взоръ свой на ея блѣдные уста,—прислушивался къ ея дыханію. Юлія пробуждается, открываетъ глаза, и тихо промолвила: „Это ты Густавъ?“

Добродѣтельный, осторожный Валлеръ, не можешь болѣе владѣть собою: онъ бросается на колѣни передъ Юліею, схватываетъ ея руку, осыпаетъ ее пламенными поцѣлуями; но произноситъ ея любезное имя, то умоляетъ небо, дабы оно благоволило сохранить ее для него.

Въ сію самую минуту входитъ Графиня: Ахъ, Сень-Прё! вскричала она съ сильнымъ движеніемъ. Густавъ обращается съ ужасомъ; встаетъ, шатаясь на ногахъ, и какъ молнія исчезаетъ. Сія сцена должна была произвести пагубныя слѣдствія для здоровья Юліи. Она впала въ новую безчувственность, соединенную съ бредомъ; и въ сіе то время языкъ ея, которымъ она уже болѣе не владѣла, былъ истолкователемъ всего того, что только происходило въ глубинѣ ея сердца. Итакъ Графиня узнала наконецъ совершенно,

что дочь ея раздѣляла заблужденія Валлера.

Сень-Прё! — повторялъ безпрестанно несчастный Густавъ, пробѣгая всѣ алеи и парки и скрываясь при малѣйшемъ шумѣ за деревья—Сень-Прё! Сень-Прё! и я заслужилъ сіе венавистное сравненіе!.. Увы! для того ли я шомился, для того ли столь долго былъ жертвою мучительнаго молчанія, что бы наконецъ цѣною спрданій моихъ купишь сіе гнусное для меня имя? Ахъ! какъ я глубоко чувствую все, что только сіе слово: Сень-Прё, имѣетъ значительнаго въ ея устахъ! Довѣріе, права гостепріимства, обязанности—я все нарушилъ, все погралъ въ ея глазахъ! А моего благодѣтеля, втораго моего отца? Сія послѣдняя мысль стѣснила горестію сердце злополучнаго молодаго человѣка; онъ уже намѣренъ былъ устремиться за валь, окружающій пространство парка, и на всегда проститься съ этою страной, въ кошорой онъ не видѣлъ ничего болѣе, кромѣ одного безславія и горести; но тайное, благородное какое-то чувство раскаянія вдругъ его остановило, — и онъ рѣшился подвергнуться

стыду, явиться предъ своею благодѣшницею; ибо стыдъ сей почель онъ справедливымъ удовлетвореніемъ ея чести за свою дерзость и обиды.

Я обожаю Юлію, сказалъ онъ ей, и удаляюсь для того отъ нее, дабы уже болѣе ее не видѣть. Прощайте, сударыня! я буду стараться заслужить ваше прощенье, а можете быть и возвратить прежнія ваши ко мнѣ чувства. — „Жершва, которую вы мнѣ приносили, ошвѣчала Графиня, доказываетъ, что вы не заслуживаете лишенія оныхъ. Я одобряю вашу рѣшительность, и буду вамъ способствовать въ исполненіи вашего предпріятія.“

Необходимость засшавила Валлера отнестись съ просьбою къ Министру о позволеніи ему вступить впорично въ службу по дѣламъ кабинетнымъ. Графиня должна была тайно покровительствовать его намѣренію посредствомъ своихъ родственниковъ, которые пользовались неограниченною довѣренностію при Дворѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ три недѣли, Валлеръ получилъ препорученіе въ качествѣ чиновника при Парижскомъ Посольствѣ. Графъ, для коего цѣлое

приключеніе въ его семействѣ осталось глубокою тайною, оказываль упорное несогласіе отпустить Густава; но размысливъ, что его сопротивленіе могло бы на всегда заградить путь къ славѣ и счастію его юному другу, онъ согласился на его желаніе. Послѣдній день недѣли былъ назначенъ для его отъѣзда.

Выздоровливающая Юлія была уже приготовлена матерью своею къ сей разлукѣ. Не было возможности избѣгнуть встрѣчи двумъ любовникамъ въ залѣ, не подавъ Графу случая къ открытію роковой тайны въ то самое время, когда ее труднѣе всего можно было скрыть передъ нимъ. — Уже Густавъ трепеталь при наступленіи той минушы, когда ему надлежало явиться передъ глазами той, которой долженъ былъ лишиться безвозвратно; уже онъ укорялъ себя въ невольномъ содроганіи, въ мучительной принужденности, которая долженствовала преобразить горестныя минушы, оставшіяся имъ для препровожденія вмѣстѣ, въ дни страданія.

Но какое было его удивленіе и вмѣстѣ печаль, когда онъ увидѣлъ Юлію, входящую бодро и непринужденно? На лицѣ

ея не только изображалось спокойствіе, но даже блистало нѣкоторое довольство. Она нѣсколько разъ обращала къ нему рѣчь голосомъ свободнымъ, сопровождаемымъ самыми спокойными взорами, но впрочемъ не показывавшими ни малѣйшаго презрѣнія. И такъ для несчастнаго Густава не осталось даже и той утѣшительной мысли, что Юлія скрывала смущеніе и спраданіе души своей. Сей видъ совершеннаго равнодушія приводилъ въ отчаяніе молодого человѣка и лишалъ его иногда послѣдней твердости, довершить свое предпріятіе. Для чего мнѣ убитаться сихъ мѣстъ, говорилъ онъ, для чего испорчаться изъ нѣдръ семейства, которое сдѣлалось моимъ, когда довольно было нѣсколькихъ дней, что бы изгладить даже и слѣды той минувшей страсти, отъ которой нѣжная и заботливая мать спрашивалась столь пагубныхъ слѣдствій?

Между тѣмъ день, назначенный къ отъѣзду, приближился. На канунъ даже этого дня съ Валеромъ не иначе обходились, какъ съ другомъ. Послѣ ужина Графъ получаетъ пакетъ съ письмами, уходитъ въ свой кабинетъ, и спуская нѣ-

сколько минушь присылаетъ просить къ себѣ Графиню. Валлеръ остался одинъ въ залѣ съ Юліею и Августою; онъ немогъ скрыть сильнаго своего замѣшательства. — Вдругъ Юлія встаетъ, приближается къ нему, и голосомъ, которой на сей разъ измѣнилъ ея швердости, говоритъ ему, вручая письмо: Вошъ мое прощанье, Густавъ; не забывайте никогда друзей вашихъ, и будьте щастливы!

Кончивъ сіи слова, она отворотилась, что бы скрыть отъ него свое смущеніе и слезы; и облокотясь на плечо сестры своей, она мгновенно удалилась.

Какъ скоро Густавъ пришелъ въ себя, то прочелъ слѣдующую записку: „Рѣшительность твоя есть поведеніе честошнаго и мужественнаго человѣка; но неужели ты думаешь, что довольно одного твоего отсутствія, что бы изгладить тебя изъ моей памяти? Послушай меня, Густавъ, я не знаю, сообразенъ ли съ правилами строгости поступокъ, на которой я отваживаюсь; но знаю только, что сердце велитъ мнѣ рѣшиться на оной. — Я люблю тебя, Валлеръ; почтеніе, довѣріе—вошъ незыблемое основаніе,

„на коемъ я утвердила на вѣки мои чув-
ствованія! да будетъ оно порукою ихъ
постоянства! Такъ, единственный другъ
мой, клянусь тебѣ въ вѣрности и любви,
въ присутствіи Бога, который читаешь
клятву сію во глубинѣ души моей, —
клянусь, что Густавъ вѣчно будетъ
имѣть право на переѣйшія движенія мо-
его сердца; если судьбою не суждено
Юліѣ быть твоею, то по крайнѣй мѣрѣ
никогда не будешь въ состояніи унижить
ее до того, что бы она возложила на
себя другіе узы.

„Но я одобряю твой отъѣздъ. Спо-
койствіе дражайшихъ родителей моихъ
зависитъ отъ него; а ихъ счастье должно
быть для меня священо, — должно быть
превыше всего, превыше самой любви
моей. Прости, Густавъ; да сохранишь
тебя небо, и да услышитъ оно обѣты
несчастной Юліи!“

Валлеръ нѣсколько разъ цѣловаль сіи
безцѣнные спроки, повторяя клятву,
которую онѣ въ себѣ заключали: Кля-
тву — жить только для одной Юліи.
Какая бы ни была отнынѣ судьба его,
онъ почувствовалъ себя воодушевленнымъ

новыми силами, простился съ милымъ мѣстомъ, гдѣ обитала Юлія, и скоро — двѣсти миль разлучили его съ нею. —

Но кто можетъ похитить ее у сердца Густава? Образъ Юліи повсюду слѣдовалъ за нимъ. Онъ думалъ найти спокойствіе свое въ отдаленности; но путь душа его погрузилась въ большее еще уныніе, мысли его сдѣлались еще мрачнѣе, а горесть мучительнѣе. Къ счастью, новыя его занятія послужили ему нѣкошорымъ развлеченіемъ. Скоро Посланникъ началъ цѣнить обширность его познаній; и Валлеръ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Вѣнѣ увидѣлъ возложенный на себя успѣхъ важнѣйшихъ переговоровъ. Ласковость нрава Французовъ, пріятность, отличающая ихъ общества, связи съ людьми, прославившими себя на поприщѣ наукъ и художествъ, произвели въ Валлерѣ пріятнѣйшую и ощутительную перемѣну. Юлія всегда царствовала въ душѣ его; но она уже не возбуждала въ ней тѣхъ мучительныхъ порывовъ, которые овладѣли было всѣми способностями его разсудка; она была для него предметомъ нѣкошораго священнаго благоговѣ-

нiя, которое не имѣло ничего общаго съ земною чувственностiю.

Тонкое и благоразумное поведенiе юной Августы весьма много способствовало къ возвращенiю Густаву спокойствiя души, столь необходимаго для него, къ оправданiю въ полной мѣрѣ довѣренности Министра и къ разрушенiю неприятныхъ происковъ, которыми ему соперники его угрожать начинали. Августа, столь же вѣрная подруга, какъ и нѣжная сестра, рѣшилась вести переписку съ Густавомъ; она была столько благоразумна, что не подавала ни малѣйшаго вида, будто бы всѣ отношенiя, существовавшiя, или которыя даже еще существовать могли, между Юлiею и Валлеромъ, преданы совершенному забвенiю. Да и простиительно ли бы было оскорблять и унижать человека, достойнаго ея уваженiя; какой пользы опъ подобнаго поведенiя ожидать было? Не значило ли бы это, напропивъ, совершенно разрушить цѣль его? Сей принужденной тонъ, сiе таинственное молчанiе, болѣе и болѣе только раздражали бы спросъ его и возжгли бы пламя, потухшее на минушу. — И такъ Августа

во всѣхъ своихъ письмахъ говорила о Юліи — и всегда съ благороднѣйшимъ уча-
стіемъ и любезнѣйшею довѣренностію; она ему изображала Юлію, посвятившую себя совершенно наукамъ и искусствамъ, которыя составляли единственное ея утѣ-
шеніе. Она даже осмѣливалась часто жа-
лѣть объ нихъ обоихъ съ нѣжною, забо-
тливою и чувствительною откровенно-
стію; но вдругъ, принявши видъ природ-
ной своей веселости, она заклинала Вал-
лера доставить Германіи славу, имѣть
своего Петрарка. — Напечатайте, ради Бога,
говорила она ему, хотя одинъ томъ ва-
шихъ одъ, сонетовъ и элегій, и тогда
вы несравненно счастливѣе будете угрю-
маго обожателя прекрасной Лауры; тог-
да — любящая васъ Юлія станеть отвѣ-
чать на звуки лиры вашей тѣмъ же по-
нами. Вы своимъ постоянствомъ, своими
стихами будете научать и плѣнять оп-
даленнѣйшее потомство. —

Уже прошелъ почти годъ, какъ Вал-
леръ оставилъ Германію. Однажды по-
лучилъ онъ письмо отъ Графа Сельница;
и не успѣлъ еще пробѣжать его до
конца, какъ всѣ его стоическія намѣренія

поколебались. Нѣсколько минутъ пребывалъ онъ въ совершенномъ о себѣ забвеніи; все, что ни прочиталъ онъ, казалось ему мечтою или обманомъ; онъ собралъ силы прочесть письмо въ другой разъ и увидѣлъ весьма ясно, что Графъ усиленно просилъ его приѣхать, какъ можно скорѣе, въ его помѣстья, по весьма важному дѣлу. Къ приглашенію сему былъ присокупленъ постъ-сриптъ, слѣдующаго содержанія: „Какія бы ни были причины, удалившія тебя, любезной Густавъ, отъ моего дому, но теперь необходимость требуетъ, что бы ты опять возвратился, хотя бы то было и на нѣсколько дней. Всѣ твои возраженія мною напередъ уже обдуманы. Посланникъ получитъ отъ Двора съ сею же почтою позволеніе, отпустишь тебя на шесть мѣсяцовъ. Открышь ли тебѣ, другъ мой, хотя часпицу моей тайны? Мы празднуемъ, 7-го числа слѣдующаго мѣсяца, день твоего рожденія.“

Валлеръ, въ продолженіи всей ночи, предавался попеременно то надеждѣ, то боязни, то догадкамъ и сомнѣніямъ. Чѣмъ болѣе употреблялъ онъ усилій постиг-

нуть истинну, тѣмъ непроницаемѣе была завѣса, покрывающая оную. Самъ Посланникъ замѣнилъ ему неосновательную его нерѣшимость на то, что ему необходимо должно было исполнить, представляя ему, что ежели онъ станетъ медлить своимъ отъѣздомъ, то здѣлается неблагодарнымъ къ своему благодѣтелю.

И такъ Густавъ пустился въ путь, бывъ безпрестанно занятъ беспорядочными мыслями; — и между тѣмъ, какъ онъ размышлялъ еще, не нарушилъ ли симъ поступкомъ данное обѣщаніе Графинѣ, Юліѣ и себѣ самому, — уже очутился въ замкѣ. Графъ вышелъ къ нему на встрѣчу, поцѣловалъ нѣсколько разъ; напротивъ, пріемъ Графини былъ важенъ и почти хладнокровенъ. Августа прыгала отъ радости; но послѣ вдругъ, покраснѣвши, замолчала. Внезапно дрожаніе разлилось въ жилахъ Юліи; она обѣими руками закрыла себѣ лицо. Графъ, наслаждавшійся полнымъ чувствомъ удовольствія, не замѣчалъ ни одного изъ различныхъ впечатлѣній, произведенныхъ пріѣздомъ юнаго его друга. — Въ продолженіи цѣлаго дня,

онъ предлагалъ Валлеру тысячи вопросовъ обо всемъ, что онъ видѣлъ, дѣлалъ и говорилъ со времени ихъ разлуки.

На другой день по утру, Валлеръ вышелъ изъ своей комнаты съ намѣреніемъ пойти къ Графу; Августа караулила его. — „Ну, господинъ Философъ—стойкъ, сказала она, и такъ вы опять съ нами; по какому это случаю?“ — Не случай привелъ меня сюда, сударыня; — читайте. — „Что это! письмо Бапюшки?... Что я вижу? онъ самъ васъ опять приглашаетъ! Ахъ! надѣйтесь, любезной Густавъ; станемъ надѣяться всѣ!“ — Нечего надѣяться! воскликнулъ Валлеръ; измѣнившая намъ надежда есть жесточайшее для насъ мученіе. —

Онъ входитъ къ своему благодѣтелю. „Здравствуй, другъ мой! сказалъ при входѣ его Графъ; я уже хотѣлъ было идти къ тебѣ. Ты знаешь древнее правило нашихъ предковъ: что важныя дѣла должны быть совершаемы напоощакъ. И такъ, станемъ говорить о нашихъ: теперь ты уже совершеннолѣтенъ; я должевъ тебѣ дать ошчесть въ моей опе-

кѣ. Вотъ онъ — на сихъ трехъ миссахъ; спянемъ чашать вмѣстѣ.

Какъ! вскричалъ Валлеръ, другъ вѣрный отца моего, потъ, копорой замѣнилъ мнѣ его мѣсто, человѣкъ благородѣйшій, которому я обязанъ всѣмъ, хочешь давать мнѣ опчетъ и я долженъ на это согласиться! — Онъ бросается на бумаги, хочешь ихъ уже кипнуть въ огонь; но Графъ останавливаетъ его: „Чѣмъ же ты обижаешься, другъ мой, говорилъ онъ, просящая къ нему объятія; сердце мое ни когда не будетъ разсчитываться съ твоимъ.“ — Густавъ, пронувшій до глубины души шолікими милостями, готовъ уже былъ открыть тайну своего сердца; но шумъ вошла Графиня. —

Все сосѣдственное дворянство было приглашено въ замокъ Сельница. Не одинъ гордый Баронъ нахмурилъ брови, когда узналъ, что это для празднованія дня рожденія Графскаго управителя. Но удивленіе ихъ было несравнено больше, когда они увидѣли его, сидящаго за столомъ возлѣ его Сіятельства. Графиня и ея дочери, волнуемая различными чувствами, не могли сокрыть того безпокойства, которое живо было написано на ихъ лицахъ;

Одинъ только Графъ, какъ будто нарочно въ опмщеніе хладнокровію, изображавшемуся на всѣхъ Баронскихъ рожахъ, казался чрезвычайно веселымъ. За десертомъ онъ приказалъ принести себѣ красной кубокъ, который былъ пожалованъ одному изъ его предковъ Карломъ V. Графъ наполнилъ оный рейнвейномъ, и привставъ съ мѣста, сказалъ съ торжественнымъ видомъ: „Я только въ чрезвычайныхъ случаяхъ употребляю сей кубокъ: ни одинъ случай въ жизни моей не могъ быть приятнѣ моему сердцу, какъ праздникъ, который насъ сего дня соединяетъ. Я пью въ счастливой день рожденія Густава Валлера.“ При сихъ словахъ гости едва примѣшнымъ наклоненіемъ головы пожелали здоровья Валлеру. „Такъ, воскликнулъ опять Графъ съ восторгомъ, опанемъ пить, какъ истинные Германцы, къ вѣчному счастію Густава и его будущей невѣсты. . . . Юліи Сельницъ!“

Пусть представитъ себѣ, кто можетъ, быстрое, магическое дѣйствіе, произведенное во всѣхъ семи словами. Густавъ, какъ бы оглушенный громовымъ ударомъ, аморшился на всѣхъ неподвижно. Юлія

упала въ свои креслы; Графиня, простирая руки свои къ небу и шепотно сясь выговорить нѣсколько словъ, казалось, умоляла его взорами: Ахъ! не убивай сихъ несчастныхъ дѣтей! — Августа плакала отъ радости, благословляла небо, своего отца, сестру, Гуснава; она обнимала своихъ сосѣдокъ и сосѣдей. Прочіе гости говорили шопотомъ одинъ другому на ухо: „Хорошо ли мы вслушались? Какъ! Сельницъ, дочь изъ древняго, знаменитаго дома, будетъ супругою Валлера — простаго управителя!“ Всякой предполагалъ остаться не болѣе, какъ полчаса въ замкѣ, обезславленномъ столь низкимъ союзомъ.

Когда Графъ позабавился нѣсколько минутъ надъ различными впечатлѣніями, изображавшимися на всякой физиогноміи, то началъ говорить такъ: „Послушайте, дѣти мои, я долженъ вамъ объясниться. Любовь ваша не могла укрыться отъ моихъ взоровъ; она довершила первѣйшія желанія моего сердца; но я хотѣлъ подвергнуть испытанію ваши чувства — и разлука ваша доказала твердость; а сверхъ того я не могъ ранѣе обнаружить моего

намѣренія; священная клятва заставляла меня хранить тайну. Валлеръ сего дня совершенно—лѣпень; и такъ я могу свободно объясниться. Жена моя, дѣти! обнимите моего племянника, надежду и подпору нашей фамиліи!.. Такъ, любезные мои сосѣды, Густавъ есть сынъ несчастнаго моего брата, умершаго въ моихъ объятіяхъ въ страшный, кровопролитный день при Лиссѣ. Прежде, нежели испустилъ послѣднее дыханіе, онъ ввѣрилъ мнѣ тайну рожденія своего сына, который былъ плодомъ тайныхъ узъ его съ одною молодою особою, значнаго произхожденія. Онъ взялъ съ меня кляву, не прежде открывать завѣсу сей тайны, какъ въ день совершеннолѣтія его сына — и я здержалъ мое слово.“

Всѣ гости встали, и низкими поклонами изъявили свое поздравленіе Графу Густаву. Молодой человѣкъ, упоенный удивленіемъ и восторгомъ, палъ въ объятія своего дяди. Ежели онъ исторгался изъ оныхъ, то для того только, что бы упасть къ стопамъ Юліи, которая изнемогала подъ бременемъ столь неожиданнаго счастія. На другой день оба любя-

щіеся были сопровождаемы къ олтарю благолучнѣйшими родителями. Всѣ вассалы помѣстій Сельница явились вооруженными. Бароны изо всѣхъ силъ кричали: „Да здравствуютъ на всегда, Графъ Густавъ и Графиня Юлія Сельницъ!“ Графъ же, прижимая къ груди своей счастливую чешу, повторялъ безпрестанно: „Неправдали, милыя дѣти, что съ силою души, постоянствомъ и добродѣтелію ни когда не должно опчаяваться?“ —

А. Пафнутъевъ.

Четыре возраста теловѣка.

(Изъ Ласепада.)

Дѣтство.

Дитя можешь быть исполнено красоты, нѣжности и прелестей, если худое воспитаніе движеній его нескдѣлало принужденными, если простая природа свободно развила его члены, если онъ могъ упражнять ихъ всѣми занятіями, нѣжному возрасту его приличными; и поелику онъ любитъ движеніе и перемѣну во всемъ, то и въ членахъ его находится самая правильная соразмѣрность; онъ еще не научился изгибать ихъ по благоприличію, съ важностію выпрямливать и изъ угожденія давать имъ странныя положенія; чрезмѣрные труды еще не разстроили ихъ, не обезобразили, не измѣнили. Его рука не владѣла еще тяжелыми орудіями, спина его не сгибалась надъ сохою или надъ работою въ мастерской комнатѣ; волосы его въ прелестной небрежности развѣваются по волѣ вѣтровъ, не будучи измѣнены въ своемъ цвѣтѣ, искусствомъ завиты и часто страннымъ образомъ связаны;

кожа на его тѣлѣ еще не почернѣла отъ солнечнаго жара, и не испрѣскалась отъ холода; буря не возставала надъ его головою; онъ смотритъ на жизнь, какъ на путь, усыпанный цвѣтами, и не предвидитъ никакихъ опасностей, никакихъ несчастій, его ожидающихъ; печаль не наморщила его чела и не помрачила благородства въ чертахъ, по которымъ можно еще отличить первоначальное происхожденіе царя природы; недовѣрчивость не сдѣлала еще поступковъ его осторожными, принужденными, — взора безпокойнымъ, взгляда неподвижнымъ, несчастіе выражающимъ; его разумъ, свободный отъ предразсудковъ, занимается однѣми только приятными идеями, вымышляетъ однѣ прелестныя изображенія; если когда легкое какое-либо прискорбіе и возмущаетъ прекрасные дни его безопасности, то оно мгновенно проходитъ вмѣстѣ съ предметами, его произведшими: чего недостаетъ еще для представленія вѣрнѣшаго изображенія нѣжности, веселія, красоты, прелести и приятности? . .

Ю н о с т ь .

Теперь наступаетъ блестящая юность, — возрастъ, въ коемъ раскрывается природа нравственная и физическая и развивается свои силы, — въ коемъ обнаруживается разумъ, и впечатлѣнїя были бы самыя глубокїя, если бы сопровождались разсужденїемъ, — сею способностїю, которая одна можетъ опредѣлить наши идеи, утвердить наши чувствованїя и впечатлѣнїя содѣлать постоянными. Тогда то страсти начинаютъ свирѣпствовать; всѣ предметы безпрепятственно дѣйствуютъ на душу; ничто слегка не трогаетъ оной, какъ въ младенчествѣ, но все жестоко потрясаетъ ее: однѣ стремленїя, одни сильные порывы составляютъ жизнь юноши; и счастливъ онъ, если порывы сїи увлекаютъ его по пути, которыми долженъ онъ протекать! Счастливъ, когда благоразумный его вождь не употребляетъ пышныхъ усилїй на погашенїе огня, его пожирающаго, но изыскиваетъ способы удерживать его нѣсколько и устремлять ко всѣмъ высокимъ добродѣтелямъ, — ко благу, коего юношество

желаетъ достигнуть!—Выходя изъ возраста, въ которомъ никто не имѣлъ нужды защищаться противъ него, — никто не могъ его спрашивать, и слѣдовательно ничто ему непростилось; чувствуя съ каждымъ днемъ новыя силы, въ немъ развивающіяся; воображая, что онѣ безпрестанно будутъ возрастать и укрѣпляться, не измѣривши ихъ ни при одномъ обстоятельстве, думая, что ничто не можешь съ ними сравниться, что все должно смиряться предъ нимъ — уступать ему,—гордый, не укротимый, пылающій желаніемъ совершенно свергнуть иго, подъ коимъ онъ, по причинѣ слабости, въ продолженіи своего дѣтства находился, молодой человѣкъ—есть изображеніе свободы и независимости. Онъ избѣгаетъ всего, что только можетъ напоминать ему о прежней его покорности; не терпитъ слишкомъ тѣсныхъ жилищъ, въ которыхъ и тѣло и духъ его стѣсняющіяся; ему нравится просторное поле, гдѣ можетъ онъ на свободѣ упражнять свои силы въ бѣганіи, крѣпость — укрощая дикихъ коней, пылкость — обѣзжая ихъ, и неустрашимость — побѣждая и умерщвляя

лютыхъ звѣрей. Тамъ онъ чувствуетъ удовольствіе на землѣ, покопавъ се можешь теперь свободно прошекавъ: онъ приводитъ въ движеніе крѣпкіе свои члены; испытываешь себя, перенося большія тяжести и думаешь, что уже много едѣлалъ, если съ усиліемъ отшоргуешь отъ скалы камень, если съ трудомъ переломилъ дерево, или опередилъ собакъ своихъ въ бѣгѣ. Его черты не служатъ болѣе изображеніемъ нѣжности и приятности, подобно какъ въ дѣтствѣ, — но гордости; округлости его шѣла, весьма сильно выраженные, обнаруживаютъ мускулы крѣпкіе, коихъ быстрая игра показываетъ его превосходство; волосы его, отъ солнечнаго дѣянія потемнѣвшіе, весьма длинны и густы; во взорахъ, полныхъ огня, блеститъ отважность; на рукахъ видны жестокіе оубы не полезныхъ, но своенравныхъ его трудовъ; его походка швердая, голова возвышенная, тонъ, уваженіе къ себѣ изысканнѣйшій; онъ имѣетъ видъ сына Геркулесова и, кажется, предназначенъ управлять его палицей и умерщвлять чудовищъ. Онъ спремиселенъ, часто не постоенъ, также какъ и въ дѣтствѣ; но

всегда сильно расstroгивается, отъ всякаго новаго предмета приходитъ внѣ себя, съ каждою минутою перемѣняетъ мѣсто, намѣреніе и желанія, преодолеваетъ всѣ препятствія, не терпитъ ни какой медленности; — кто можетъ противиться быспрому, порывистому его стремленію? Одинъ только голосъ чувства въ состояннїи удержать его. Природа, которая говоритъ въ его сердцѣ громче всѣхъ предметовъ, его окружающихъ, дѣлаетъ для него понятнымъ, любезнымъ и почтеннымъ голосъ дгровавшихъ ему жизнь и имѣвшихъ попеченіе о его младенчествѣ: это левъ, котораго ведутъ на цѣпи, покрытой розами, безъ коихъ онъ разпоргъ бы сїи прїятные узы. Счастливъ юноша, когда нѣжность родительская служитъ единственною уздою для его отважности; когда страсти, столь опасныя, столь живыя въ семь возрастѣ заблужденій, не владѣютъ его душою и не дѣлаютъ ее добычею мечтаній, ложныхъ надеждъ и безпокойствъ; когда ужаснѣйшая изъ сихъ страстей не имѣетъ еще надъ нимъ власти! Она начинается обольщеніемъ его: описываетъ ему всѣ предметы прекрасными; предстан-

длетъ природу всегда улыбающеюся, притягательнѣйшею для очарованныхъ взоровъ молодого обманутаго челоуѣка; ведетъ его по пути, усыпанному цвѣтами; фантастическою силою показываетъ ему конецъ сего роковаго шествія: врата въ храмъ блаженства отперсты для принятія его; она указываетъ ему мѣсто, близъ предмета его пагубной страсти для него назначенное: ешо Армида, препровождающая Ренальда на островъ очарованія, гдѣ она держишь его въ отдаленіи отъ его воиновъ, отъ его должности и славы, и окружая гирляндами, нечувствительна налагаетъ на него цѣпи, коихъ тяжесть онъ скоро почувствуетъ.

Мужество.

Здѣсь челоуѣкъ пользуется всѣми тѣлесными и душевными силами; бунтующія страсти, коимъ непрестаетъ сопутствовать упоеніе, царствуютъ уже въ немъ не съ такою неограниченностію, что бы могли помрачить разсудокъ. Божественный лучъ, его одушевляющій, блеститъ всѣмъ своимъ свѣтомъ; его умъ, воспламененный огнемъ, послѣ безпокойной юности еще не погас-

шимъ въ его воображеніи, вступаетъ во
всѣ свои права и все покаряетъ своему могу-
ществу. Его душа, оживотворяя тѣло
совершенное,—коего всѣ органы получили
надлежащую степень развитія, гдѣ сила
и проворство соединены вмѣстѣ, и гдѣ
все способствуютъ различнымъ движе-
ніямъ, его колеблющимъ,—занимается вы-
сочайшими умозрѣніями, открываетъ ве-
личайшія истины, предпринимаетъ, про-
изводитъ и совершаетъ величайшіе труды.
Тогда человѣкъ — истинное изображеніе
величія и могущества—возвышая прямо и
величественно свою голову на тѣлѣ крѣп-
комъ и опвердѣломъ, ходитъ, говоритъ,
дѣйствуетъ какъ повелитель природы, вла-
дѣтельствующій надъ нею и заставляющій
ее служить своимъ благороднымъ намѣ-
реніямъ.

Но ежели безразсудныя спраси юно-
сти не разтерзали души его; но она
дѣлается добычею спрасей, почти столь-
ко же опасныхъ, менѣе живыхъ, но гора-
здо болѣе постоянныхъ. Честолюбіе пред-
лагаетъ ему свѣтлыя вѣнцы всѣхъ ро-
довъ; оно принуждаетъ его тернистыми
путями стремиться къ блестящей цѣли,

которую ему представляет, — цѣли меч-
тательной и фантастической, всегда по-
чти убѣгающей отъ тѣхъ, кои стараются
къ ней приблизиться и наконецъ исчеза-
ющей отъ взоровъ тѣхъ, кои почти уже
достигли оной. Онъ повинуется гласу
сего жестокаго честолюбія и ложной
славы; вымышляетъ предпріятія безче-
ловѣчнѣйшія; купитъ цѣпи для своихъ со-
сѣдей, коихъ все преступленіе состоитъ
въ томъ, что они слишкомъ близки къ
нему; онъ схватываетъ оружіе, изощряетъ
смертоносное желѣзо сплѣснуть — съ пла-
менемъ въ рукахъ, окруженный ужасами
насправедливой и жесточайшей войны —
увѣчаться лаврами, обрызганными кро-
вью: сидя на развалинахъ дымящагося го-
рода, окруженный несчастными жертва-
ми своей бѣснующейся страсти, онъ звѣр-
скими, свирѣпыми очами глядитъ на опу-
стошеніе, далеко въ окрестностяхъ имъ
распространенное; всѣ его тѣлодвиженія
ищутъ знаки смерти и истребленія. Здѣсь,
жадный къ золоту и ложнымъ богат-
ствамъ, какимъ не подвергается опасно-
стямъ для удовлетворенія своей безмѣр-
ной скупости? Въ звѣрской лючности

своей онъ разливаетъ кровь по странамъ новаго свѣта, еще незнакомаго съ спрашными злодѣянїями, и превращаетъ его въ обширную пустыню; снѣшитъ разсѣять ужаснѣйшія преступленія въ неизмѣримой части стараго свѣта. покарываетъ подъ иго несчастныхъ его обитателей и обремененныхъ оковами перевозитъ въ новый свѣтъ, имъ опустошенный, гдѣ онъ, въ ослабленїи своемъ, думалъ найти золото, упоя его кровію.

Съ другой стороны, слава и часто добродѣтель ошзываютъ его въ новые пути, исполненные безчисленнаго множества опасностей, но коихъ цѣль, не обольщая пустыми призраками, представляетъ священное изображеніе пользы общественной. Тогда онъ, какъ справедливый, добрый и великодушный властелинъ, даритъ свѣту миръ и счастье, и исчисляетъ дни свои однѣми только благодѣянїями; здѣсь, раздавая блага утѣшительной религіи или священныхъ законовъ собственности и безопасности общественной, онъ въ восклицанїяхъ гражданъ, утѣшаемыхъ и покровительствуемыхъ имъ, получаетъ прогашельнѣйшую награду за свои добродѣтели.

дѣтели; тамъ призываетъ земледѣліе, торговлю и полезныя искусства, и посредствомъ своихъ благодѣяній, трудовъ и дѣятельности, оплодотворяетъ и населяетъ не обработанную землю; соединяетъ состоянія самыя несходныя, обогащаетъ ихъ своимъ объ нихъ попеченіемъ, защищаетъ могуществомъ, воинскими талантами и геройскими добродѣтелями; возражая пріятныя искусства, онъ добрымъ, спокойнымъ гражданамъ доставляетъ пылу удовольствій, соединяетъ ихъ, смягчаетъ грубый ихъ характеръ, вдыхаетъ въ нихъ любовь къ мирнымъ добродѣтелямъ, награждаетъ труды ихъ живѣйшими и невинными наслажденіями, напоминаетъ имъ о ихъ древнихъ герояхъ, славныхъ воинахъ, великихъ мужахъ, оживотворяетъ знаменитыя ихъ дѣянія и высокія мысли. Наконецъ, удалясь въ тихое уединеніе, совѣщаясь втайнѣ съ природою, вбросивъ, такъ сказать, смертный покровъ свой, и возвышаясь на крылахъ своего генія и созерцанія, онъ открываетъ и показываетъ подобнымъ себѣ истины самыя сокровеннѣйшія и полезнѣйшія.

С т а р о с т ь .

Если человекъ, вступившій въ возрастъ мужества, насладился всѣмъ бытіемъ своимъ; если онъ достигъ высочайшей степени могущества; тогда вдругъ начинаетъ уклоняться отъ оной: съ каждымъ днемъ способности его ослабѣвають, силы телесныя уменьшаются, — онъ вступаетъ въ старость. Пусть это состояніе, достойное всего нашего почтенія, не представляетъ намъ трагической сцены, развѣ для того, чтобы тѣмъ расстрогать насъ и заставить проливать слезы! . .

Пусть сохраняется для старости и дѣйствуетъ въ ней весь разумъ и весь свѣтъ опытности; пусть она также показывается намъ иногда въ тѣлѣ крѣпкомъ, здоровомъ, и подъ свѣдыми волосами всегда являетъ чело величественное; пусть старикъ представляется намъ, какъ древній дубъ, съ силою еще поддерживающій свои крѣпкія вѣтви; пусть онъ будетъ исполненъ крошечности и нѣжнаго со-сраданія; пусть испытанныя имъ несчастія, опытность, знаніе слабости че-

ловѣческой и различныя опасности, окружающія смертныхъ, наполняютъ сердце его тихою любовью; пусть онъ сожалеетъ и прощаетъ: пусть природа не престаешь быть понятною для его сердца!

Съ какимъ участіемъ должно смотрѣть на сіе изображеніе слабости нѣжнаго дѣшства, соединенной со всѣмъ величіемъ, со всею красою мужества и съ характеромъ прогашельнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ и даже священнымъ! . . . Какъ все, что ни скажетъ старикъ, бываетъ для насъ интересно, когда слова кротости истекаютъ изъ устъ его, открытыхъ единственно для нѣжнаго состраданія!.. Это Геній — утѣшитель, оспавленный среди дѣшей своихъ, чтобы быть для нихъ живѣйшимъ изображеніемъ Бога, ими почитаемаго, что бы передавать имъ свои благословенія, помогать своими совѣтами, поддерживать ихъ своимъ одобреніемъ и прогашельною нѣжностію, — когда онъ получаетъ отъ ихъ любви и признательности всякое вспоможеніе, какого только можешь требовать его слабость. — И

чье сердце не пронется, не будетъ рас-
смерзано, видя важнаго и почтеннаго шта-
рика, подъ тяжестію бѣдности или не-
счастія принужденнаго преклонять сѣдую,
ослабѣвшую свою голову?..

А. Складовскій.
